

ЕВГЕНИЙ НЕНАДЫШУК*

ОТ АЛГОРИТМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА К НЕГАНТРОПОЦЕНУ**

АВТОМАТИЗАЦИЯ И ВУДУЩЕЕ ТРУДА В ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ
БЕРНАРА СТИГЛЕРА

Получено: 28.09.2023. Рецензировано: 30.10.2023. Принято: 05.04.2024.

Аннотация: За первые десятилетия XXI века проблематика автоматизации и технологической безработицы обрела высокую актуальность, в том числе и для философской мысли. Возможным последствием технологической безработицы является возникновение «беспольного класса» не участвующих в производстве людей, что выдвигает на первый план как вопросы смысла жизни и источников для деятельности в условиях будущего без труда, так и проблему углубления неравенства между элитой творцов и оставленных на произвол судьбы безработных людей. В статье мы обращаемся к выявлению новых перспектив трудовой деятельности человека в контексте предотвращения разрушительных последствий автоматизации и технологической безработицы в философской рефлексии Бернара Стиглера. Уникальность подхода Стиглера заключается в определении автоматизации как техносциальной силы, ответственной за исчезновение интеллектуальных способностей человека и производимых им личностных знаний, которые, согласно философу, являются условием любой трудовой деятельности. Для решения проблемы негативных последствий автоматизации и технологической безработицы Стиглер обращается к таким понятиям как «пролетаризация», «фармакон» и «негантропоцен», значение которых раскрывается в данном исследовании на основе метода концептуального анализа. На основе проведенного анализа можно заключить, что автоматизация, вопреки общераспространенным теоретическим перспективам, рассматривающим ее преимущественно с положительных сторон, как средство эмансипации от труда, может привести к негативным последствиям для человеческой экзистенции. Ответ на автоматизацию Стиглер видит в социально-политическом проекте негантропоцена, основанном на локальном и темпоральном прерывании автоматизации, что должно способствовать сохранению и реактуализации человеческих интеллектуальных функций. В свою очередь, труд в будущем сможет справиться с вызовом технологической безработицы, если будет переосмыслен вне занятости как творческая сила, направленная на поддержание и развитие социальной сложности.

Ключевые слова: пролетаризация, автоматизация, антропоцен, труд, технологическая безработица, негантропоцен.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-2-252-276.

*Ненадышук Евгений Максимович, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), enenadyshchuk@hse.ru, ORCID: 0000-0003-0128-5418.

**© Ненадышук, Е. М. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

ВВЕДЕНИЕ

Широкомасштабные социальные изменения, вызванные ускоряющим развитием технологий, являются одним из главных вызовов XXI века, стоящих перед человечеством.

Независимо от изменений, которые автоматизация окажет на сферу труда, понимание и подготовка к технологической безработице необходимы, если общество хочет воспользоваться преимуществами технологических новаций и избежать негативных последствий. Такое понимание становится еще более актуальным, поскольку недавняя пандемия COVID-19 спровоцировала ускорение автоматизации во всем мире (Blit, 2020; Chernoff & Warman, 2023).

Технологическую безработицу можно определить, как

безработицу, обусловленную тем, что способность находить способы сохранить использование труда превышает способность находить новые применения труда (Understanding Technological Unemployment..., 2021).

К негативным последствиям технологической безработицы относят появление так называемого «беспольного класса» людей, не участвующих в экономическом производстве (Харари, Андреев, 2019). Данный антиутопический сценарий при возрастании пропасти между усиленной передовыми технологиями узкой элитой творцов-владельцев капитала и оставленных на произвол судьбы безработных и «беспольных» людей обостряет вопросы свободного времени, смысла жизни, мотивации и источников деятельности в условиях наступающего пост-трудового общества (Маяцкий, 2015; Сидорина, 2013). Итак, какие действия следует предпринять для решения поставленных технологической безработицей проблем?

Полемики вокруг этих вопросов выявили следующие направления дискурса. Ярчайший сторонник проекта Четвертой Промышленной Революции (*Fourth Industrial Revolution*) К. Шваб утверждает, что дальнейшая автоматизация возобновит накопление капитала и экономический рост, усилит управленческий контроль в производстве товаров и услуг на благо потребителей и общества, а также призывает к ответственным инновациям в области автоматизации и рассматривает как лучше всего адаптировать общество к ее возможным последствиям (Schwab, 2017). С другой стороны, представители дискурса левого акселерационизма, среди которых можно выделить К. Уикс, П. Мейсона, А. Бастани, А. Уильямса и Н. Срничека, отстаивают социально-революционные возможности автоматизации и выдвигают предложения по построению

пост-трудового общества, в котором человек будет избавлен от труда и обретет перспективу осмысленной и достойной жизни (Мейсон, Дунаев, 2016; Срничек и Уильямс, Охотин, 2019; Bastani, 2019; Weeks, 2011).

В статье мы обращаемся к критическим представлениям об автоматизации и будущем труда французского философа Бернара Стиглера, известного своими представлениями о технической природе человека и сущности техники как форма человеческой памяти. В своей книге «Автоматическое общество» он призывает «переосмыслить труд» (Stiegler, Ross, 2016: 155) и отделить концепцию «труда» (осмысленного, интеллектуального участия) от концепции «занятости» (дегуманизирующей, банальной работы) с целью полного искоренения последней (ibid.: 166). Эта позиция вытекает из широкого обсуждения проблемы автоматизации, определившей трансформацию труда и общества на рубеже XX–XXI веков в контексте так называемого «когнитивного капитализма».

Теория когнитивного капитализма становится все более значимой социальной теорией, учитывая ее внимание к социально-экономическим изменениям, вызванным распространением интернета и цифровых технологий, которые изменили способ производства и характер труда. Наиболее полное выражение она приобрела в работах сторонников социально-политической теории постопераизма (Вирно, Петрова, 2013; Хардт и Негри, Иноземцев, 2006; Lazzarato, 1996) и французских социальных теоретиков (Горц, Сокольская, 2010; Boutang, Emery, 2011). Данные исследователи критикуют продуктивистскую модель труда как формообразующую деятельность и производство материальных благ из-за ее неспособности учета новых «нематериальных» форм труда, которые начинают преобладать в ходе трансформации трудовых процессов, вызванных новыми технологиями. Нематериальный, или интеллектуальный труд определяется «как труд, который производит информационное и культурное содержание товара» (Lazzarato, 1996: 132). Сторонники теории когнитивного капитализма подвергают сомнению классические определения труда и рабочей силы, поскольку вводимая ими концепция нематериального труда учитывает синтез различных видов ноу-хау, такие как интеллектуальные, физические и предпринимательские навыки. Кроме того, нельзя говорить и о существовании четкого различия между трудом в традиционном смысле и другими видами деятельности. Так, например, Горц провозглашает, что новая экономика труда требует полной самоотдачи от работников. В рамках новой системы труда конструируется новый субъект: работник-предприниматель самостоятельно распоряжается своим трудом,

временем и полученными результатами (Горц, Сокольская, 2010: 33). Работники в таком случае должны быть активными субъектами, компетентными в самоуправлении, общении, сотрудничестве и творчестве, поскольку характер их работы не выполняется по команде руководителя в рамках заранее установленных, жестких и конкретных должностных обязанностей. Таким образом, непрерывное развитие интеллектуальных и творческих способностей человека является необходимым фактором в трудовых отношениях современного высокотехнологического общества, сталкивающегося с вызовом автоматизации.

Стиглер считает, что автоматизация ведет к исчезновению труда, что является одним из величайших рисков современности, поскольку ведет к исчезновению знания. Данная тенденция является отражением гипериндустриального капитализма, при котором разум «разлагается до рационализации» (Stiegler, Ross, 2015: 17), и все формы знания «исчезают» (ibid.: 20). Философ также говорит о возникновении «автоматического общества», которое определяется «алгоритмическим управлением» (*governmentality*), возникшим из капитализма 24/7 (Крэри, Васильев, 2022; Stiegler, Ross, 2016: 27), где воздействие на индивидуумов регулируется алгоритмами, которые контролируют принятие решений людьми, а также их взгляды на мир, а машины заменяют не только физический, но и интеллектуальный труд людей. В действительности, согласно Стиглеру, такое общество является «анти-обществом» (*dis-society*) (ibid.: 205), основанным на технологических алгоритмах, где любая социальная сложность и возможность для индивидуации, то есть формирования уникального, своеобразного бытия как на уровне личности, так и на социальном уровне систематически уничтожается.

Философ предлагает решение проблемы автоматизации и технологической безработицы, используя собственную концептуализацию понятия «фармакон». Стиглер заявляет, что любая технология является разновидностью фармакона, предмета, обладающего как полезной, так и разрушительной силой (Stiegler, Ross, 2013: 4). Соответственно, необходимо направить автоматизацию в сторону плодотворных и положительных последствий для общества, что также совмещается с новой концепцией осмысленного труда, представляющей из себя производство личностных умений и знаний.

ТЕХНИКА КАК ОСОБЫЙ ТИП ПАМЯТИ

В центре нашего внимания стоят вопросы переосмысления роли труда, проблематика автоматизации и технологической безработицы в фило-

софской рефлексии Бернара Стиглера. Прежде всего обратимся к вопросу взаимоотношения человека и технологий в ходе их совместной коэволюции, поскольку философ предлагает существенное переосмысление этих отношений. Он не рассматривает человека и технику как две независимые реальности, а утверждает, что люди изначально находятся в «трансдуктивных отношениях» с техническими объектами (Stiegler, Ross, 2016: 217). Ни одна из сторон, входящих в такие отношения, не существует прежде другой, а конституируется и постоянно трансформируется через нее на протяжении всего процесса их отношений. Следовательно, речь идет о рассмотрении процесса, посредством которого человечество и техника образовались вместе и эволюционировали одновременно. Мыслитель утверждает, что производство и использование искусственных объектов живыми организмами, в свою очередь, влияет на их органическую конституцию и психическое функционирование (Stiegler, Beardsworth & Collins, 1998: 142).

Стиглер рассматривает появление искусственных объектов не как производство средств или инструментов для достижения заранее определенных целей, а как открытие нового типа памяти. Когда индивид переносит в объекты техники свои накопленные с опытом знания, эти объекты превращаются в резервуары и аккумуляторы людских знаний, накопленных в течение истории человечества. Тем самым техника освобождает человека от лишней информации, но в то же время лишает знаний.

В то время как живые организмы имеют только два типа памяти — филогенетическую (память вида, сохраняемая и передаваемая через гены) и эпигенетическую (воспоминания, переживаемые индивидуумом, сохраняющиеся в его нервной системе и исчезающие вместе с ним), техника как «организованная неорганическая материя» делает возможным сохранение индивидуального или коллективного опыта и передачу его будущим поколениям после биологической смерти отдельных индивидуумов (*ibid.*: 159). Согласно философу, в зависимости от того, каким образом люди получают знания о прошлом, сохраняемые в искусственных объектах, они преобразуют эти знания, поскольку в отличие от филогенетической и эпигенетической памяти, информация, передаваемая технической памятью, представляет собой не программу, а скорее текст, который нужно расшифровать или интерпретировать, каждое воспроизведение которого может представлять собой трансформацию (*ibid.*: 142). Иными словами, реактивируя по-новому прошлое, сохраненное в мнемонических носителях, индивидуумы имеют возможность

вызывать непредсказуемые бифуркации в отложившейся коллективной памяти. Так, в процессе употребления каменных орудий, последние постепенно изменялись, делая возможными новые коллективные практики, а также изменяли телесную организацию и когнитивные способности использующих их первобытных людей. Подобным же образом, философы неодинаково интерпретируют произведения мыслителей прошлого и, таким образом, трансформируют произведенные ими знания и, в то же время, изобретают новые знания в виде теорий, воплощенные в собственных текстах. Практикуя сохранение и передачу памяти в ходе социальных процессов, индивидуумы развивают переданные им знания, практические и теоретические, привнося в будущее новизну и изменения. Стиглер развивает это утверждение, принимая концепцию психической и коллективной индивидуации французского философа техники Жильбера Симондона.

Для Симондона индивидуация — это процесс образования любой индивидуальной сущности из доиндивидуальной реальности, из которой она порождена. С этой точки зрения, любой индивидуум может быть понят как относительная реальность, некая фаза бытия, предполагающая доиндивидуальную среду и которая даже после индивидуации не существует сама по себе (Simondon, 2009: 5). В свою очередь, Стиглер рассматривает индивидуацию через уникальные повторения в экстернизированной¹ памяти. Это означает, что по мере того, как меняются технологии, меняется и природа индивидуального опыта. Стиглер резюмирует:

...эти изменения в игре между памятью и восприятием, то есть между воображением и реальностью, порождают процессы трансиндивидуации, каждый раз разные, то есть специфические периоды (*epochs*) того, что Симондон назвал трансиндивидуальным (Stiegler, Ross, 2016: 31).

Использование мыслителем понятий «трансиндивидуации» и «трансиндивидуального» относится к тезису Симондона о том, что индивидуальный опыт основывается на индивидуации с другими индивидуумами. Любые отношения между отдельным индивидуумом (психической индивидуации, называемым также Стиглером психоиндивидуумом) и группой индивидуумов (коллективной индивидуацией) характеризуются

¹Экстернизация — процесс перехода внутреннего действия во внешнее, в нашем случае — перемещение памяти и знаний индивидуума в технические объекты.

трансиндивидуацией: изменение одного из типа индивидуации трансформирует и другой. Быть человеком — значит участвовать в продолжающемся производстве и преобразовании коллективной памяти и знаний. По мнению философа, трансиндивидуация является средством всех знаний и имеет экзистенциальное значение для индивидуумов (Stiegler, Ross, 2013: 84). Все эти виды знаний передаются, применяются и преобразуются из поколения в поколение человеческими сообществами, которые придерживаются некоторых общих правил. Когда же люди применяют знания, этим они трансформируют себя и полученные знания.

Таким образом, согласно Стиглеру, без наличия технических объектов существование человека попросту было бы невозможным. Он утверждает, что человеческая природа является продуктом постоянно трансформирующихся отношений между людьми и технологиями. Объекты техники — это не просто средства для достижения целей или расширения существующих человеческих способностей. Они представляют собой экстерноризированную форму памяти в виде материальных резервуаров произведенных человечеством знаний и участвуют как в воспроизведении прошлого опыта, так и в формировании новых представлений. Наконец, такой тип памяти служит источником знаний, смыслов, памяти и опыта как для отдельных индивидуумов, так и для их сообществ через процессы трансиндивидуации, предоставляя им возможность трансформироваться со временем.

КОГНИТИВНАЯ ПРОЛЕТАРИЗАЦИЯ И АНТРОПОЦЕН

Для Стиглера технические объекты должны рассматриваться как экзосоматические (внетелесные) органы, посредством которых индивидуумы экстерноризируют свои психологические функции, свою память и свои знания. Этот процесс перемещения памяти и знаний в технические объекты позволяет индивидуумам передавать свой опыт из поколения в поколение, накапливать его и постепенно преобразовывать. Но такая техническая экстерноризация знаний амбивалентна, поскольку она также неизбежно содержит риск утраты этих знаний. Действительно, если технический объект не становится объектом социальной практики, индивидуумы не способны повторно присвоить знание, которое было экстерноризировано: напротив, они оказываются подчиненными тем формам знания, включенным в технические объекты, и контролируются владельцами этих технических объектов или устройств. Философ называет это лишение знания «пролетаризацией».

Пролетаризация для Стиглера — это

процесс, посредством которого индивидуальное или коллективное знание, формализуемое с помощью техники, машины или аппарата, может ускользнуть от индивида, который теряет знание, до этого бывшее его собственностью (Prolétarisation, 2010).

Из этого определения можно сделать вывод, что пролетаризация влечет за собой потерю знаний, но только с точки зрения человеческого индивидуума, чьи знания были «формализованы». В отличие от марксистского понимания, пролетарий для философа определяется не отсутствием собственности на средства производства, а потерей знаний.

Стиглер утверждает, что труд по преобразованию природы посредством техники никогда не был освобождающим, но исторически двигался в обратном направлении — по возрастанию подчинения человека машине и передаче ей знания, пока этот процесс не коснулся уже не только фабричного труда, но и всех работников, чей труд стал формализован и деиндивидуализирован. В «Фрагменте о машинах» Маркс анализирует природу труда и его подчинение машине в условиях промышленного капитализма:

Деятельность рабочих, сводящаяся к абстракции деятельности, всесторонне определяется и регулируется движением машин, а не наоборот. Наука, заставляющая неодушевленные члены системы машин посредством ее конструкции действовать целесообразно, как автомат, не существует в сознании рабочего, а посредством машины воздействует на него как чуждая ему сила, как сила самой машины (Маркс, 1980: 206).

Марксистскую категорию пролетаризации как процесс обнищания рабочих и их порабощения капиталу в ходе механизации труда Стиглер раскрывает уже не только в социологическом, но и в антропологическом измерении, поскольку она обозначает сегодня повсеместную утрату знаний и базовых навыков, связанных с выживанием вида, которым потребовались тысячи лет для приобретения, консолидации и развития в том, что называется цивилизацией.

Опираясь на работы Маркса и Симондона, Стиглер описывает процесс пролетаризации на протяжении трех столетий. Для этого он рассматривает три типа капитализма, которые исторически совпадали бы с тремя стадиями пролетаризации. Философ утверждает, что «пролетариат никогда не сводился к рабочему классу» (Stiegler, Ross & Arnold, 2011: 105), но что ремесленники в доиндустриальной Европе были первыми жертвами пролетаризации, так как они утратили свои практические

навыки, ноу-хау (*savoir-faire*) сначала через разделение труда в мануфактурном производстве, а затем и с наступлением промышленного капитализма в XIX веке в результате развития индустриальной механизации и стандартизации технологических цепей производства. Сложная деятельность ремесленника оказалась формализована в виде отдельных операций, которые могут повторяться до бесконечности узкоспециализированным работником или машиной. Стиглер называет любой подобный процесс «грамматизацией» (Stiegler, Ross & Arnold, 2011: 38). Это процесс формализации и разбиения актов человеческой деятельности (расчетов, языков и жестов) на дискретные повторяемые единицы (граммы), которые могут быть воспроизведены людьми или машинами. Чтобы грамматизация привела к пролетаризации, индивидуум должен утратить знания, которыми он обладал в их текучей, неграмматизированной форме. В случае с доиндустриальным ремесленником, он потерял бы свои знания одним из двух способов: либо сам перестал бы практиковаться, либо не смог бы передать свои навыки ученику. Другой способ, которым Стиглер описывает пролетаризацию, — это «экстериоризация без возврата, то есть без интериоризации» (Stiegler, Ross, 2016: 28). В этом случае пролетаризация происходит, когда машинная репликация устраняет необходимость в человеческой репликации и, как следствие, необходимость в том, чтобы люди повторно усваивали знания, которые теперь формализованы в машине. Простым, но знакомым примером этого явления может служить то, как смартфоны избавили от необходимости запоминать телефонные номера.

Второй этап — это пролетаризация жизненных знаний (*savoir-vivre*), возникшая в XX в. с развитием культурных индустрий и средств массовой информации, таких как радио, кино и телевидение, и ставшая следствием потребительского капитализма, постоянно порождающего новые потребности. Жизненное знание — это знание, которое обогащает социальную организацию, в которой живет человек (*ibid.*: 20). В итоге, к XXI в. оно сводится к тому, чтобы быть потребителем. Формы маркетинга и рекламы, которые занимают центральное место в современном обществе через средства массовой информации, репрезентируют образ жизни, который привлекает внимание людей и стандартизирует их поведение. Превращение времени сознания в предмет потребления ограничивает возможности индивидуумов изобретать собственные своеобразные формы существования. Жизненные знания индивидуумов, искусство жизни превращаются в потребительские модели поведения.

Таким образом, аналоговые технологии XX в. пролетаризируют жизненные знания производителей, которые становятся потребителями.

Последний этап, возникший при сочетании первых двух, — это пролетаризация теоретического знания (*savoir-théoriques*) когнитивным капитализмом, возникшим с развитием цифровых технологий и искусственного интеллекта в XXI веке. Стиглер определяет теоретическое знание как

знание, которое наследует прошлое, обращая его вспять, и, переворачивая его с ног на голову, вновь активизируя его, знание, которое Сократ называет анамнезисом и которое на Западе всегда структурно выходит за пределы локальности (Stiegler, 2018: 56).

Поэтому теоретическое знание не отвергает прошлое как таковое, а, наоборот, вспоминает, истолковывает, обогащает и углубляет его. Пролетаризация теоретического знания приводит к потере способности к анамнезису. Поэтому процессы интерпретации заменяются автоматическими инструментами принятия решений. Пролетаризация теоретического знания связана с девальвацией времени, необходимого для обдумывания и осмысления перед лицом чрезмерной скорости цифровых технологий. Таким образом, к началу двадцать первого века в ходе процесса пролетаризации люди становятся зависимыми от экстернизированных процедур в виде «диспозитивов» (Агамбен, Соколовски, 2012), которые фиксируют, определяют и управляют человеческим поведением, общественным мнением, а также производством, обменом и передачей знаний. Эти процедуры можно понимать как алгоритмическое управление (*governmentality*), пролетаризирующее, то есть лишшающее людей их знаний, понимания и интеллекта.

Стиглер утверждает, что процесс пролетаризации в настоящее время носит всеобщий и широкомасштабный характер благодаря тому, что цифровизация и компьютеризация технической среды сделали возможной экстерниризацию всех видов знаний по причине грамматизации человеческого опыта (жестов, перцепций, памяти, мыслей) (Stiegler, 2018: 20). Таким образом, сегодня машины заменяют не только фабричных рабочих: в гипериндустриальном обществе процесс автоматизации как условие пролетаризации теперь затрагивает каждую профессию. Автоматизация не зависит от так называемого «ручного» или «интеллектуального» характера деятельности или от сектора профессии (промышленность или услуги): любая деятельность, основанная на рутинных и предсказуемых задачах, может быть формализована

в программу и внедрена в автоматическую систему, механическую или алгоритмическую.

Стиглер также отмечает, что любая техническая трансформация всегда начинается с разрушения социальной сложности: сложившиеся институты и произведенные знания оказываются устаревшими в той мере, в какой они позволяют усвоить техносреду, которая формируется и трансформируется (Stiegler, Ross, 2016: 12). Происходит дезадаптация: старые социальные организации, старые практики и старый образ жизни становятся неэффективными, и индивидуумы вынуждены приспосабливаться к эволюции технической системы. Фактически, мыслитель утверждает, что в эпоху перманентных инноваций ускорение темпов технологической автоматизации сокращает время обдумывания и размышлений, необходимых для производства и развития новых знаний. Таким образом, современная цивилизация оказалась в очень специфическом положении, когда технические инновации настолько радикальны, быстры, разрушительны и постоянны, что у отдельных людей нет времени на коллективную организацию, чтобы изобрести новые знания и практики, необходимые для адаптации новой технической среды к существующему социальному порядку. Для обозначения данной ситуации философ употребляет термин антропоцен.

Понятие «антропоцен» обычно применяется для обозначения предполагаемой новой геологической эпохи, в которой человеческая деятельность стала доминирующим фактором над всеми другими природными силами, которые преобладали до сих пор. Такое положение не могло возникнуть, стоит заметить, не без помощи новых и мощных технологий. Стиглер же трактует антропоцен несколько иначе, чем распространенное употребление. Согласно философу, суть антропоцена заключаются не столько в наличии новых видов техники, сколько в новом образе мышления, который с ними и ими устанавливается. Они представляют собой триумф такого типа технического мышления, который устанавливает примат вычисления над любым другим критерием принятия решений, алгоритмическим управлением и материализуется в виде технологической автоматизации (Stiegler, Ross, 2015: 48). С другой стороны,

«антропоцен» — это период, при котором энтропия как мера рассеивания энергии и неупорядоченности производится в массовом масштабе именно благодаря тому факту, что знание было ликвидировано и автоматизировано, так что фактически оно больше и не знание вообще, а скорее совокупность закрытых систем, то есть энтропийных систем (Stiegler, 2018: 51).

Антропоцен знаменует собой рост энтропии через истощение энергии, утраты биоразнообразия и разрушения культурного и социального разнообразия. Проблема для Стиглера заключается в том, что состояние пролетаризации по своей сути энтропийно: оно истощает творческие силы рабочих индивидуумов, что ведет к их дезинтеграции и отчуждению.

Таким образом, Стиглер считает, что техника как экстериоризованная память, с одной стороны, может служить как трансиндивидуации, так и дезиндивидуации. Не имея условий для усвоения знаний на практике, индивидуум пролетаризируется, то есть попадает в зависимость от технических средств, что приводит к обеднению его персональной и социальной экзистенции. Философ называет процесс потери знаний в ходе автоматизации грамматизацией, при которой знания, принадлежащие индивидууму, подвергаются формализации и становятся воспроизводимой машиной. К потере практических знаний, ноу-хау, в XX веке присоединяются жизненные знания, ответственных за социальную сложность и отсутствие которых привело к распространению потребительства, а также теоретические знания по осмыслению и истолкованию мира, отступающих под натиском все более ускоряющихся технологических изменений. Философ рассматривает пролетаризацию как явление, не ограниченное определенным социальным классом, а как антропологическую ситуацию или даже катастрофу, угрожающую всем представителям современного общества. Кризис исчезновения знаний вызван несоответствием между ускоряющимся техническим прогрессом и ответом на него со стороны общества. Мыслитель называет такую историческую ситуацию антропоценом и видит ее причины в господстве нового технополитического режима алгоритмического управления и вызванной им деструкции любого типа сложности, в том числе и социальной, что ведет к рассеиванию творческой энергии, названного автором энтропией. В связи с этим встает вопрос: что предлагает Стиглер для решения проблемы когнитивной пролетаризации и борьбы с технологической энтропией?

ФАРМАКОН, «ДЕЗАВТОМАТИЗАЦИЯ» И АНТРОПОЦЕН

Чтобы ответить на вопрос, поставленный выше, необходимо обратиться к употреблению Стиглером концепции фармакона. Вдохновленный Платоном и Деррида, он рассматривает технику как фармакон. Фармакон — это вещь, являющаяся одновременно и ядом, и лекарством.

Помимо своей природы яда, он содержит в себе возможность лекарственного средства. Таким образом, фармакон позволяет рассматривать вместе вредные и полезные аспекты техники.

Согласно теории фармакона Стиглера, пролетаризация означает преобразование человеческого знания и памяти в экстериоризированные формы посредством процессов грамматизации (Stiegler, Ross, 2015: 45). В то время как знание развивается посредством этой экстериоризации, оно также подвергает себя риску. Именно на это указывает поставленный Сократом вопрос о фармаконе. С одной стороны, письмо как пример технической экстериоризации кажется орудием софистов, вводящих людей в заблуждение, потому что оно ослабляет память, с другой стороны, благодаря тому же письму, экстериоризирующему знание, происходит процесс увеличения социальной сложности. Так, письмо привносит закон и прокладывает путь для интерпретации и критики в публичной сфере. Любые технологии, пролетаризирующие познавательную деятельность, могут быть и основоположниками сред индивидуации, способных препятствовать процессам дезиндивидуации. Поэтому, как и любой фармакон, они могут предотвратить трансиндивидуацию или, наоборот, сделать ее возможной при правильном использовании. Следовательно, техника как фармакон, вызывающий пролетаризацию навыков, жизненного и теоретического знания, также делает возможным новый психический и коллективный порядок индивидуации. Поэтому неправильно думать только о вредоносном характере техники. Наряду с критикой технологий за усиление пролетаризации, всегда необходимо учитывать и новые формы коллективной индивидуации, ставшие возможными благодаря новым технологиям.

Стиглер утверждает, что индивидуация или эволюция технической системы всегда опережает психическую и коллективную индивидуацию. Техногенез структурно предшествует социогенезу, поскольку техническое развитие состоит из двойного процесса, состоящего сначала из негативных последствий, вызываемых технологиями, а затем социальной интеграции этих технических систем, которую философ называет «двойным удвоением эпохи»². Когда возникает новая технология, она всегда несет вред, потому что в первую очередь угрожает обществу,

²Стиглер обыгрывает понятие «эпоха» как период времени и понятие «эпохэ», сложившееся в античном скептицизме, обозначавшее воздержание от суждения и вновь актуализированное в феноменологии как переход от естественной установки к феноменологической рефлексии.

в котором она возникает. Второй этап — это то, что превращает яд в лекарство, то есть искусство жить, познание в самых разнообразных его формах. Стиглер описывает его через понятие «дезавтоматизации», как процесс преобразования накопленной информации в новые виды знания для предотвращения угрожающих человеческой индивидуации технологических изменений (Stiegler, Ross, 2016: 13). Этот процесс всегда сопровождается своеобразными бифуркациями, то есть отклонениями от ранее прочерченного пути. С прерыванием существующей социо-технической системы ставятся под сомнение текущий социальный порядок и формы знания. Новая техническая система трансформирует способы действия, жизни и мышления, укоренившиеся в социальной системе. Таким образом, происходят новые процессы трансиндивидуации по мере замены одной технической системы другой.

Итак, что необходимо предпринять в эпоху антропоцена и когнитивной пролетаризации, созданной алгоритмическим управлением? По мысли Стиглера, выход из антропоцена следует рассматривать как преодоление вредоносности, порожденного этим технополитическим режимом, и как вступление в негантропоцен, эпоху, в которой экономика и технологии должны служить негэнтропии, то есть процессам организации, дифференциации и динамической эволюции, посредством которых индивидуумы социализируются, сублимируют творческую энергию и производят знания. Философ предполагает, что, поскольку знание всегда является «открытой системой», «оно всегда включает в себя способность к дезавтоматизации, которая порождает негэнтропию» как силу, противоположную росту энтропии (Stiegler, 2018: 51–52).

Мыслитель утверждает, что производство новых знаний не основано на автоматизации: будь то ноу-хау, жизненные знания или теоретические знания, они развиваются и обновляются, когда трансформируются теми, кто применяет их непредсказуемым образом (изобретение новой техники, нового стиля, новой теории) — и эти бифуркации не могут быть запрограммированы в автоматической системе. Согласно Стиглеру, это производство новизны и необычности посредством коллективной практики знаний и исследований необходимо для того, чтобы произошла перестройка между социальными и техническими системами, то есть для того, чтобы общество приняло свою новую технологическую среду и преобразовало ее пригодным для жизни и желаемым образом. Эти знания и исследовательские практики должны поддерживаться и оцениваться экономически, в то время как каждая деятельность, основанная

на повторяющемся и предсказуемом поведении, может быть формализована с помощью алгоритмов и выполнена с помощью алгоритмов (Stiegler, Ross, 2016: 147). Таким образом, технологическая автоматизация рутинных задач могла бы стать шансом, поскольку она позволяет выиграть время в производственном процессе и перераспределить это время между гражданами, чтобы освободить их от пролетаризирующей работы, дать им возможность развивать свои способности и производить новые формы знаний (ibid.: 94).

Стиглер предполагает, что текущая экономическая модель должна постепенно заменяться экономической моделью, основанной на совместной деятельности. С его точки зрения, в настоящий момент происходит присвоение и моделирование технологических инноваций рыночной системой, которая превращает технологии только во вредоносные инструменты, то есть инструменты увеличения энтропии. Иными словами, негэнтропия может родиться не из технологических, а из социальных инноваций, способных радикально изменить отношения между социальной и технической системами, создавая новые формы адаптации между ними. Иными словами, должна быть создана модель, в которой не экономика и не техника определяют социальное, а социальные изменения, основанные на том, что Стиглер называет «экономикой вклада» (*économie contributive*), должны направлять технологические трансформации (ibid.: 187).

Под экономикой вклада понимается совокупность практик, относящихся к добровольному участию отдельных лиц, которые вкладывают средства и сотрудничают ради обмена знаниями без денежной компенсации. Такая концепция экономики вдохновлена программами с открытым исходным кодом, доступными для широкой публики бесплатно, в разработке которых пользователи могут совместно участвовать. Экономическая система, вдохновленная этими экспериментами, представляет собой модель, в которой нет разделения между теми, кто владеет знаниями, его производителями и потребителями, в отличие от того, что происходит в рыночной экономике. Для Стиглера экономика вклада — это царство любителей в прямом смысле этого слова, то есть людей, движимых своими собственными интересами (ibid.: 147). Она выделяется также тем, что предполагает активное участие в работе, которая сама по себе приносит удовлетворение.

Стиглер утверждает, что экономическая модель, основанная на перераспределении прироста производительности в виде покупательной способности, воплощенной в заработной плате, сегодня подвергается

сомнению из-за все более широко распространенной автоматизации, которая повышает производительность при одновременном сокращении предложения рабочих мест. Чтобы это свободное от работы время не было превращено в какую-то новую форму пролетаризации, мыслитель предлагает ввести доход от участия, оплачивающий «негэнтропийное» использование времени (Stiegler, Ross, 2016: 7). Такой доход призван стимулировать людей использовать их свободное от труда время для производства знаний, в течение которых они индивидуально «обучают» себя, участвуя в разработке коллективных проектов. В отличие от стандартных навыков, необходимых для рутинной работы, производство знаний имеет тенденцию создавать сложную организацию внутри сообществ, разделяющих определенные правила и цели, что, таким образом, может способствовать их динамической эволюции посредством уникальных практик участвующих в них индивидуумов. В этом смысле такие практики нужно рассматривать как негэнтропийные процессы, во время которых индивидуумы реализуют себя и свои идеалы и ценности.

Однако Стиглер утверждает, что такая экономическая трансформация никогда не сможет быть достаточной, если она не будет сопровождаться культурной, правовой и социальной трансформацией, которая должна идти рука об руку с технологическими изменениями. Категория прерывания занимает центральное место в мысли философа, возвращаясь к возможности сосуществования между рыночной экономикой и экономикой вклада, между алгоритмическим управлением и общественным пространством, в котором доминирует аргументированная рациональность. Такие «прерывания» представляют собой точки схода, своего рода мгновенную приостановку порабощения машинным временем, которое может открыть индивидуальное и коллективное пространство для критики, рассуждения и творчества. Наряду с компьютерной сетью, созданной с целью автоматизации обработки всей информации, относящейся к коммерческому, административному обмену и повседневному взаимодействию, философ предлагает создать так называемую герменевтическую сеть (ibid.: 147–148). Эта новая сеть будет служить процессу индивидуации, то есть формированию индивидуумов, обладающих различными знаниями, способных к бифуркациям (сдвигам парадигм), которые дезавтоматизируют стандартные процедуры.

Таким образом, Стиглер использует понятие фармакона для раскрытия двойственной природы техники как несущей одновременно вред и благо. Такая двойственность проявляется в ходе так называемого двойного прерывания эпохи, когда воздействие на социальные процессы

со стороны новых технических систем позже компенсируется созданием новых социальных структур, способных производить новые личностные знания для обогащения всех типов индивидуации. Поскольку все технологии по сути своей являются фармаконами, решение состоит в том, чтобы преобразовать их токсичность в лекарство и создать новый социальный порядок, основанный на депролетаризации. Философ утверждает, что можно отделить автоматизацию от ее разрушительного влияния на общество, создавая пространства для ее прерывания и культивирования производства личностных знаний и человеческой самореализации, оставив рутинную, легковоспроизводимую работу на машины. Для борьбы с пролетаризацией Стиглер вводит понятие негэнтропена, проекта преобразования общества на основе роста негэнтропии как фактора увеличения дифференциации и сложности. Этот проект предполагает создание экономики вкладов как практик совместной деятельности, осуществляемых вне финансовой заинтересованности и поощряющих производство негэнтропии, то есть когнитивной и социальной сложности. Стиглер настаивает на необходимости поставить технологии на службу психической и коллективной индивидуации, то есть сделать так, чтобы они стали не только средствами измерения и расчета, но и носителями коллективной памяти, интерпретаций и обсуждений, которые являются психическими и коллективными процессами, с помощью которого всегда производятся все виды знаний. Такая перспектива требует разработки и внедрения герменевтической сети, чтобы люди могли производить и делиться знанием, не возникающему при автоматизации, что должно привести к росту социальной сложности и приспособлению общества к продолжающимся технологическим трансформациям.

КОНЕЦ ЗАНЯТОСТИ И ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ТРУДА

Стиглер размышляет о будущем труда, исходя из различия Ханны Арендт между трудом и *vita active*, или *bios*, где труд — это деятельность, подчиненная необходимости обеспечения средств к существованию и поэтому несвободная, а *bios* — это практика свободного человека, независимого от жизненной необходимости (Арендт, Бибахин, 2000: 20), в которую включены как жизнь, связанная с политическим обществом, так и жизнь философа, направленная на поиск истины. Однако в ходе промышленной революции труд превратился в договорные отношения, регулируемые законом, которые делают его формально свободным актом, посредством которого рабочий продает свою рабочую

силу за плату. Труд, который вознаграждается заработной платой и позволяет перераспределить покупательную способность, стал называться занятостью или наемным трудом. Любое иное понимание труда кроме финансовой заинтересованности постепенно вытеснялось и, можно сказать, совершенно исчезло.

С точки зрения Стиглера, переосмысление труда в XXI веке должно лежать в основе восстановления правового государства (Stiegler, Ross, 2016: 186). Учитывая риски, которые повлечет за собой сокращение труда,

государству (и всему миру) необходимо переосмыслить модель вознаграждения за средства к существованию персональных индивидуумов и социальных индивидуумов (включая само государство) (ibid.: 124),

что касается всех форм знания и любого человека в обществе, от рабочих до ученых. В эпоху, когда вычислительная мощность «захватывает рабочие знания не только руки, но и мозга» (ibid.: 199), возникает вопрос: где проходит грань? До какого момента можно позволять автоматам выполнять работу человека, прежде чем разум отдельных людей и коллективов начнет ослабевать или исчезать?

Сокращение занятости под действием автоматизации — это катастрофа с антропологической точки зрения, последствия которого неоднозначны и трудно поддаются контролю. Для Стиглера этот процесс, с одной стороны, является разрушительным и несущим свойства яда как фармакона. Однако, как и любой фармакон, он также представляется лечебным, то есть технической возможностью окончательно освободить труд от договорных отношений, то есть занятости. Речь идет не только о том, что автоматизация позволяет сократить рабочее время и, следовательно, увеличивает свободное время, но и о возможности переосмыслить концепцию труда как свободную деятельность и автономную жизнь.

Последовательные технологические революции, которые отмечают историю антропоцена, рассматриваются Стиглером как процесс грамматики в трех видах: «индустриальная, аналоговая и цифровая грамматизация». При формализации человеческих жестов, опыта и мысли, и передачи их в распоряжение машине, происходит рассеивание творческой энергии человека:

...замененный машиной, которой он или она служит, рабочий становится чистой рабочей силой, служащей энергии, которую он больше не воплощает, поскольку его энергия была изучена, дискретизирована (разбита на отдельные

составляющие) и стандартизирована с помощью материальной формы — шаблона или алгоритма (Stiegler, Ross, 2016: 203–204).

Таким образом, основная задача состоит в том, чтобы заново изобрести работу, восстановив ее в значении аристотелевского понятия *energeia*, то есть как перехода от силы к действию, или как осуществление деятельности, направленной на достижение цели (энтелехии или формы), то есть как преобразующую и формирующую деятельность (ibid.: 182–183). Такое определение труда связано с индивидуацией в ее тройном измерении, технической индивидуацией (поскольку производит технологические инновации), психической индивидуацией (поскольку подталкивает становление рабочего к его реализации как отдельного индивида) и коллективной индивидуацией (поскольку такой труд воплощен в памяти определенной коллективности). По мнению Стиглера, повсеместная пролетаризация лишила наемных рабочих их энергии и одновременно ответственности за труд, порождая энергетические растраты (в двойном смысле физической энергии горения и либидинальной энергии существования). Чтобы сохранить энергию, нужно направлять ее в идеализации, то есть преобразования мира в соответствии с верностью идеальным или транзиторным³ объектам желания. Такая деятельность неразрывно связана с объектом желания, который «движет и будоражит» душу (ibid.: 203) в процессе трансформации мира. Его не существует, потому что он бесконечен, и потому что существует только конечное, а значит, вычисляемое. Однако только желание может привести в движение развитие индивидуации во всех их формах, и через них энергию как индивидуацию, то есть также как заботу о себе, других и в окружающем мире (ibid.: 213). Восстановление труда как энергии, не ограниченной только конечными результатами (материальным вознаграждением), позволяет заново переутвердить человеческую деятельность, понимаемую как *bios*, или автономную жизнь.

Метафора опыления используется Стиглером для объяснения негэнтропических эффектов такого переосмысления труда: пчелы развивают свою деятельность по сбору пыльцы высокоорганизованным образом, и эта деятельность приводит к производству меда, результату, который может быть монетизирован, поскольку он имеет стоимость, признанную рынком. Тем не менее, опыление дает эффект, выходящий далеко за пределами рынка, и значение, которое не может быть учтено, поскольку

³Термин британского психоаналитика Дональда Винникота.

опыление приводит к распространению растительной жизни, способствуя процветанию жизни в целом (Stiegler, Ross, 2016: 212). Таким же образом можно понимать труд, отвязанный от заработной платы. В той мере, в которой он позволяет восстановить и развить способности, связанные с мастерством (*savoir-faire*), умением жить (*savoir-vivre*) и умением концептуализировать (*savoir-conceptualiser*), такой труд производит эффект, выходящий далеко за рамки рынка: рост жизни как творческой силы, которая должна охватить все общество, а не ограничиваться элитой творцов. Стиглер подчеркивает, что автоматизация может освободить человека от занятости и позволить заниматься своей уникальной работой, или, другими словами, культивировать собственный образ жизни.

Таким образом, Стиглер утверждает, что в условиях полномасштабной деградации знаний из-за автоматизации необходимо переосмыслить труд так, чтобы он перестал ассоциироваться с концепцией занятости. Философ вводит понятие труда как творческой энергии, преобразующей действительность ради объекта творчества, а значит, не ограниченной лишь денежной мотивацией. По мнению Стиглера, энергичное понимание труда позволит повернуть энтропийные процессы в обществе вспять посредством культивации индивидуумами уникальных образов существования, личностных знаний и создания социальной сложности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Бернар Стиглер, к теориям которого мы обратились в данной статье, вводит комплекс научных категорий/концептов, которые могут помочь в преодолении сложившейся ситуации в сфере труда. Так, с помощью понятия пролетаризации Стиглер рассматривает труд в неразрывной связи с производимыми людьми знаниями, отчуждаемыми в ходе автоматизации в пользу техники как особого вида памяти, что ведет к возрастающей зависимости человека от технологий и одномерности индивидуальной и социальной экзистенции. При автоматизации знания, принадлежащие отдельному индивидууму, постепенно переходят в распоряжение машины без возможности вернуть их обратно. Таким образом, Стиглер предлагает собственную интерпретацию понятия пролетаризации Маркса как человеческого отчуждения от труда, связывая его прежде всего с утратой работником знаний. Однако в современных условиях с ускорением автоматизации такое состояние угрожает не только рабочему классу, но и представителям других профессий.

На основании переосмысления техники как фармакона, как иллюстрации амбивалентной природы техники, которая может привести как к пагубным, так и благим последствиям, Стиглер выдвигает проект негантропоцена, направленный на снижение негативных последствий автоматизации через создание нового социо-экономического порядка, позволяющего человеку употреблять свои интеллектуальные способности для создания новых знаний и усложнения социальной организации.

В статье была выявлена значимость подхода Стиглера к технике как отдельному типу памяти в формировании психической и коллективной индивидуации. Согласно философу, в основе техники лежит ее способность служить аккумулятором и средством преобразования произведенных человеком знаний. Вопреки распространенному убеждению, что автоматизация освобождает человека от ненужного труда, и это благо, совершенно забывают, что алгоритмическое управление обществом приводит к утрате человеком теоретических и практических знаний, социальной и культурной памяти, возможностей для построения альтернатив в будущем, а также возрастающей зависимости от технологий и одномерности социальной жизни.

Ключевым вопросом в решении проблем автоматизации и нового понимания труда должно стать преодоления несоответствия информации знанию. Если информация отражает данность мира вне всякого человеческого интереса, то знание предполагает заинтересованное и творческое отношение человека к объекту познания. При каждом новом обращении информация преобразуется, что приводит к появлению новых знаний и форм социальной организации, что должно послужить основой для формирования новой парадигмы труда как источника социальной сложности.

ЛИТЕРАТУРА

- Агамбен Д.* Что такое диспозитив? // Что современно? / пер. с итал. А. Соколовски. — Киев : Дух і Літера, 2012. — С. 13–43.
- Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни / пер. с англ. В.В. Библихина. — СПб. : Алетейя, 2000.
- Вирно П.* Грамматика множества : к анализу форм современной жизни / под ред. А. Пензина ; пер. с итал. А. Петровой. — М. : Ad Marginem, 2013.
- Горц А.* Нематериальное. Знание, стоймость и капитал / под ред. М. Маяцкого ; пер. с нем., с фр. М.М. Сокольской. — М. : Высшая школа экономики, 2010.
- Крэри Д.* 24/7 : Поздний капитализм и цели сна / под ред. А. Смирнова ; пер. с англ. А. Васильева. — М. : Высшая школа экономики, 2022.

- Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1861 гг. В 2 т. Т. 2 : пер. с нем. — М. : Политиздат, 1980.
- Маяцкий М.* Освобождение от труда, безусловное пособие и глухая воля // Логос. — 2015. — Т. 25, № 3. — С. 72–87.
- Мейсон П.* Посткапитализм : путеводитель по нашему будущему / пер. с англ. А. Дунаева. — М. : Ад Маргинем Пресс, 2016.
- Сидорина Т. Ю.* Вопрос о труде и смысле жизни // Вопросы философии. — 2013. — № 11. — С. 3–14.
- Срничек Н., Уильямс А.* Изобретая будущее : посткапитализм и мир без труда / пер. с англ. Н. Охотина. — М. : Strelka Press, 2019.
- Харари Ю.* Homo Deus. Краткая история будущего / пер. с англ. А. Андреева. — М. : Синбад, 2019.
- Хардт М., Негри А.* Множество : война и демократия в эпоху империи / пер. с англ., под ред. В. Л. Иноземцева. — М. : Культурная революция, 2006.
- Bastani A.* Fully Automated Luxury Communism. — London : Verso, 2019.
- Blit J.* Automation and Reallocation : Will COVID-19 Usher in the Future of Work? // Canadian Public Policy. — 2020. — Vol. 46, no. 2. — P. 192–202.
- Boutang Y. M.* Cognitive Capitalism / trans. from the French by E. Emery. — Cambridge : Polity Press, 2011.
- Chernoff A., Warman C.* COVID-19 and Implications for Automation // Applied Economics. — 2023. — Vol. 55, no. 17. — P. 1939–1957.
- Lazzarato M.* Immaterial Labour // Radical Thought in Italy : A Potential Politics / ed. by P. Virno, M. Hardt. — Minneapolis : University of Minnesota Press, 1996. — P. 133–147.
- Proletarianism / *Ars Industrialis*. — 2010. — URL : <https://arsindustrialis.org/vocabulaire-proletarianisation> (visité le 1er sept. 2023).
- Schwab K.* The Fourth Industrial Revolution. — Geneva : World Economic Forum, 2017.
- Simondon G.* The Position of the Problem of Ontogenesis // *Parrhesia*. — 2009. — Vol. 7, no. 1. — P. 4–16.
- Stiegler B.* Technics and Time. Vol. 1. The Fault of Epimetheus / trans. from the French by R. Beardsworth, G. Collins. — Stanford : Stanford University Press, 1998.
- Stiegler B.* Disbelief and Discredit. Vol. 1. The Decadence of Industrial Democracies / trans. from the French by D. Ross, S. Arnold. — Cambridge : Polity Press, 2011.
- Stiegler B.* What Makes Life Worth Living : On Pharmacology / trans. from the French by D. Ross. — Cambridge : Polity Press, 2013.
- Stiegler B.* States of Shock : Stupidity and Knowledge in the 21st Century / trans. from the French by D. Ross. — Cambridge : Polity Press, 2015.
- Stiegler B.* Automatic Society. Vol. 1. The Future of Work / trans. from the French by D. Ross. — Cambridge : Polity Press, 2016.
- Stiegler B.* The Neganthropocene. — London : Open Humanities Press, 2018.

Understanding Technological Unemployment : A Review of Causes, Consequences, and Solutions / Y. Lima, C. E. Barbosa, H. dos Santos, J. de Souza // Societies. — 2021. — Vol. 11, no. 2.

Weeks K. The Problem with Work : Feminism, Marxism, Antiwork Politics and Postwork Imaginaries. — Durham : Duke University Press, 2011.

Nenadyshchuk, E. M. 2024. "Ot algoritmicheskogo obshchestva k negantropotsenu [From the Algorithmic Society to the Neganthropocene]: avtomatizatsiya i budushcheye truda v filosofskoy mysli Bernara Stiglera [Automation and the Future of Work in the Philosophical Thought of Bernard Stiegler]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (2), 252–276.

EVGENY NENADYSHCHUK

PHD STUDENT IN PHILOSOPHY

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (MOSCOW, RUSSIA);

ORCID: 0000-0003-0128-5418

FROM THE ALGORITHMIC SOCIETY TO THE NEGANTHROPOCENE

AUTOMATION AND THE FUTURE OF WORK IN THE PHILOSOPHICAL THOUGHT OF BERNARD STIEGLER

Submitted: Sept. 28, 2023. Reviewed: Oct. 30, 2023. Accepted: Apr. 05, 2024.

Abstract: Over the first decades of the 21st century, the issue of automation and technological unemployment has acquired high relevance for many spheres, including that of philosophical thought. A possible consequence of technological unemployment is the emergence of a "useless class" of people not participating in production, which brings to the fore both questions of the meaning of life and sources for activity in a future without work, and the problem of deepening inequality between the elite of creators and unemployed people left to their fate. In the article we address the identification of new prospects for human labor activity in the context of preventing the destructive social consequences of automation and technological unemployment in the philosophical reflection of Bernard Stiegler. The uniqueness of Stiegler's approach lies in the definition of automation as a technosocial force responsible for the disappearance of human intellectual abilities and the personal knowledge they produce, which, according to the philosopher, is a condition for any labor activity. To solve the problem of the negative consequences of automation and technological unemployment, Stiegler turns to such concepts as "proletarianization", "pharmakon" and "neganthropocene", the meanings of which are revealed in this study through the method of conceptual analysis. Based on this analysis, we can conclude that automation, contrary to generally accepted theoretical perspectives that view it primarily from its positive sides, as a means of emancipation from work, can lead to negative consequences for human existence. Stiegler sees the answer to automation in the socio-political project of the neganthropocene, based on the local and temporal interruption of automation, which should contribute to the preservation and reactualization of human intellectual functions. In turn, labor in the future will be able to cope with the challenge

of technological unemployment if it is rethought outside of employment as a creative force aimed at maintaining and developing social complexity.

Keywords: Proletarianization, Automation, Anthropocene, Work, Technological Unemployment, Neganthropocene.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-2-252-276.

REFERENCES

- Agamben, D. 2012. "Chto takoye dispozitiv? [Che cos'è un dispositivo]" [in Russian]. In *Chto sovremenno? [Che cos'è il contemporaneo?]*, trans. from the Italian by A. Sokolovski, 13–43. Kiyev [Kiev]: Dukh i Litera.
- Arendt, H. 2000. *Vita activa, ili O deyatel'noy zhizni [Human Condition]* [in Russian]. Trans. from the English by V. V. Bibikhin. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Aleteyya.
- Bastani, A. 2019. *Fully Automated Luxury Communism*. London: Verso.
- Blit, J. 2020. "Automation and Reallocation: Will COVID-19 Usher in the Future of Work?" *Canadian Public Policy* 46 (2): 192–202.
- Boutang, Y. M. 2011. *Cognitive Capitalism [Le capitalisme cognitif]*. Trans. from the French by E. Emery. Cambridge: Polity Press.
- Chernoff, A., and C. Warman. 2023. "COVID-19 and Implications for Automation." *Applied Economics* 55 (17): 1939–1957.
- Crary, J. 2022. 24/7 [24/7]: *Pozdnyy kapitalizm i tseli sna [Late Capitalism and the Ends of Sleep]* [in Russian]. Ed. by A. Smirnov. Trans. from the English by A. Vasil'yev. Moskva [Moscow]: Vysshaya shkola ekonomiki [HSE Publishing House].
- Gorz, A. 2010. *Nematerial'noye. Znaniye, stoimost' i kapital [The Immaterial]* [in Russian]. Ed. by M. Mayatskiy. Trans. from the German and from the French by M. M. Sokol'skaya. Moskva [Moscow]: Vysshaya shkola ekonomiki [HSE Publishing House].
- Harari, Yu. 2019. *Homo Deus. Kratkaya istoriya budushchego [Homo Deus. A Brief History of Tomorrow]* [in Russian]. Trans. from the English by A. Andreyev. Moskva [Moscow]: Sinbad.
- Hardt, M., and A. Negri. 2006. *Mnozhestvo [Multitude]: vojna i demokratiya v epokhu imperii [War and Democracy in the Age of Empire]* [in Russian]. Ed. and trans. from the English by V. L. Inozemtsev. Moskva [Moscow]: Kul'turnaya revolyutsiya.
- Lazzarato, M. 1996. "Immaterial Labour." In *Radical Thought in Italy: A Potential Politics*, ed. by P. Virno and M. Hardt, 133–147. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Lima, Y., et al. 2021. "Understanding Technological Unemployment: A Review of Causes, Consequences, and Solutions." *Societies* 11 (2).
- Marx, K. 1980. [in Russian]. Vol. 2 of *Ekonomicheskkiye rukopisi 1857–1861 gg. [Grundrisse]*. 2 vols. Moskva [Moscow]: Politizdat.
- Mayatskiy, M. 2015. "Osvobozhdeniye ot truda, bezusloynoye posobiye i glupaya volya [Liberation from Work, Unconditional Income and Foolish Will]" [in Russian]. *Logos* 25 (3): 72–87.
- Meyson, P. 2016. *Postkapitalizm [Postcapitalism]: putevoditel' po nashemu budushchemu [A Guide to Our Future]* [in Russian]. Trans. from the English by A. Dunayev. Moskva [Moscow]: Ad Marginem Press.
- "Prolétarisation" [in French]. 2010. *Ars Industrialis*. Accessed Sept. 1, 2023. <https://arsindustrialis.org/vocabulaire-proletarisation>.
- Schwab, K. 2017. *The Fourth Industrial Revolution*. Geneva: World Economic Forum.
- Sidorina, T. Yu. 2013. "Vopros o trude i smysle zhizni [The Question of Work and the Meaning of Life]" [in Russian]. *Voprosy filosofii*, no. 11, 3–14.
- Simondon, G. 2009. "The Position of the Problem of Ontogenesis." *Parrhesia* 7 (1): 4–16.

- Srnicek, N., and A. Williams. 2019. *Izobretaya budushcheye [Inventing the Future]: post-kapitalizm i mir bez truda [Postcapitalism and a World Without Work]* [in Russian]. Trans. from the English by N. Okhotin. Moskva [Moscow]: Strelka Press.
- Stiegler, B. 1998. *The Fault of Epimetheus [La faute d'Épiméthée]*. Vol. 1 of *Technics and Time [La technique et le temps]*, trans. from the French by R. Beardsworth and G. Collins. Stanford: Stanford University Press.
- . 2011. *The Decadence of Industrial Democracies [La décadence des démocraties industrielles]*. Vol. 1 of *Disbelief and Discredit [Mecniance et Discredit]*, trans. from the French by D. Ross and S. Arnold. Cambridge: Polity Press.
- . 2013. *What Makes Life Worth Living [Ce qui fait que la vie vaut la peine d'être vécue]: On Pharmacology [De la pharmacologie]*. Trans. from the French by D. Ross. Cambridge: Polity Press.
- . 2015. *States of Shock [États de Choc]: Stupidity and Knowledge in the 21st Century [Betise et savoir au XXIè siècle]*. Trans. from the French by D. Ross. Cambridge: Polity Press.
- . 2016. *The Future of Work [L'Avenir du travail]*. Vol. 1 of *Automatic Society [La Société automatique]*, trans. from the French by D. Ross. Cambridge: Polity Press.
- . 2018. *The Neganthropocene*. London: Open Humanities Press.
- Virno, P. 2013. *Grammatika mnozhestva [Grammatica della moltitudine]: k analizu form sovremennoy zhizni [Per un'analisi delle forme di vita contemporanee]* [in Russian]. Ed. by A. Penzin. Trans. from the Italian by A. Petrova. Moskva [Moscow]: Ad Marginem.
- Weeks, K. 2011. *The Problem with Work: Feminism, Marxism, Antiwork Politics and Postwork Imaginaries*. Durham: Duke University Press.